

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
В РОССИИ XVIII ВЕКА

Институт
ЯЗЫКОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 1975

В. М. Живов

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В РОССИИ XVIII ВЕКА

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1996

ББК 81.2Р
Ж 71

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16287

Живов В.М.

Ж 71 **Язык и культура в России XVIII века. – М.: Школа
«Языки русской культуры», 1996. – 591 с.
ISBN 5-88766-049-X**

Книга посвящена проблемам становления основных свойств литературного языка (полифункциональности, общезначимости, кодифицированности, стилистической дифференциации) как социально-культурного процесса. Рассматриваются языковые реформы Петра I в контексте идеологической борьбы его времени, возникновение противопоставления духовного и светского языка. Особое внимание уделено деятельности академических филологов (Тредиаковского, Пауса, Адодурова, Ломоносова) и процессу нормализации литературного языка нового типа. Анализируется формирование “славенороссийского” языка, соединяющего церковнославянскую и русскую языковые традиции, и роль этого процесса в развитии имперского дискурса. Взаимодействие светской и духовной культуры, его влияние на язык прослеживается вплоть до начала XIX в. (споры арханстов и новаторов, реформа духовного образования).

ББК 81.2Р

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-049-X

© В.М. Живов, 1996
© А.Д. Кошелев. Серия
«Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

Введение

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЫСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА

1. Литературный язык нового типа как предмет социокультурной истории	13
2. Функциональное переосмысление генетически разнородных элементов в истории русской письменности	20
3. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования	31
4. Переосмысление разновидностей книжного языка	41
5. «Простота» языка и способы ее лингвистической реализации	52
6. Секуляризация культуры, ее русская специфика и значимость для переосмысления языкового узуса	59

Глава первая

ПЕТРОВСКАЯ РЕФОРМА ЯЗЫКА. КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

1. Задачи языковой реформы и характер ее реализации	69
1.1. Реформа азбуки как прообраз языковой реформы	73
1.2. Лингвистические установки в петровской реформе языка	88
1.3. От гибридного церковнославянского к «простому» русскому языку	98
1.4. Новизна и преемственность в новом литературном языке ...	110

2. Языковая политика и борьба культур	124
2.1. Языковая реформа и церковно-политическое противостояние ..	126
2.2. «Простота» и семиотические функции гражданского наречия	143

Глава вторая

НАЧАЛО НОРМАЛИЗАЦИИ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАКТИКА

1. Формирование петербургской культуры и новая концепция литературного языка	155
1.1. Языковая программа первых кодификаторов: новые моменты	162
1.2. Классицистический пуризм и его первая рецепция.	171
1.3. Актуализация генетических параметров: славянизмы	184
1.4. Нормализация в морфологии и использование генетических параметров	195
2. Конфликт лингвистической теории и языковой практики. Концепция поэтического языка	216
2.1. Поэтические вольности и церковнославянская литературно-языковая традиция.	221
2.2. Язык оды и церковнославянский панегирик	243

Глава третья

ИЗМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. СЛАВЯНОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫК И СИНТЕЗ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЙ

1. Новая природа русского литературного языка и возникновение славянизирующего пуризма	265
1.1. Полифункциональность нового литературного языка	270
1.2. Единство природы русского и церковнославянского языков	277
1.3. Новая интерпретация пуристических рубрик	290

2. Рационалистический пуризм и богатство славенороссийского языка	307
2.1. Богатство и «древность» русского языка	308
2.2. Новая стилистическая нормализация	328
2.3. Рационалистический пуризм и его русская метаморфоза	350
3. Синтез культурно-языковых традиций. Славенороссийский язык и его функционирование	368
3.1. Эволюция языка духовной литературы	376
3.2. Единый язык единой культуры	402

Глава четвертая

НОВОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ КУЛЬТУР. ЧИСТОТА ЯЗЫКА КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

1. Эмансипация культуры и полемика архаистов и новаторов	419
1.1. Распад культурно-языкового синтеза и программа карамзинизма	430
1.2. Poleмика о языке и проблемы культурного самосознания. . .	441
2. Славянизирующий пуризм и его переосмысление в духовной словесности	457
2.1. Осмысление пуристических рубрик	471
2.2. Отношение к языковому знаку	485
2.3. Секуляризация славянизмов и противостояние светской и духовной традиций	497
ЛИТЕРАТУРА	510
СОКРАЩЕНИЯ	555
УКАЗАТЕЛЬ	556

Предисловие

Данная книга — существенно расширенный и переработанный вариант моей монографии «Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века», опубликованной в 1990 г. Смена названия отчасти отражает расширение содержательного диапазона книги, а отчасти обусловлена стремлением сказать проще и устранить некоторую скрытую тавтологичность, присущую respectable ученому дискурсу. В самом деле, не означает ли культура то же самое, что культурные конфликты? Культуры не бывают монологическими, так что столкновение культурных парадигм — это каждодневный хлеб культурной истории, и нет надобности это лишний раз подчеркивать. Литературный язык также можно без всякого ущерба заменить на язык без всяких эпитетов, и не только потому, что в понятие литературного языка разные исследователи вкладывают почти столь же широкий репертуар смыслов, как и в понятие языка вообще, но и потому, что нам важны не эти абстрактные смыслы, а момент более общий — место явлений языка в сталкивающихся культурных парадигмах. Язык в этой своей ипостаси может быть, наверно, назван литературным, но это будет лишь повторением уже сказанного. И наконец XVIII — начало XIX века можно, если не слишком увлекаться хронологическими исчислениями, превратить в XVIII столетие, потому что, если иметь в виду культурную эпоху, оно завершилось не тогда, когда стрелки часов миновали полночь на 1 января 1801 года, и даже не в 1801 году, столь зловеще отмеченном убийством императора Павла — последнего императора, целиком мыслившего в категориях этой эпохи. Оно завершилось, когда иссякли присущие ему культурные парадигмы, а это был постепенный процесс, важнейшей вехой которого стал отнюдь не хронологический рубеж, а Отечественная война 1812 года. Если иметь в виду эти

соображения, «Язык и культура в России XVIII века» оказывается достаточно точным переводом предшествующего названия.

Дополнения, внесенные мной в новое издание, сводились в основном — если не говорить об общем расширении материала — к трем моментам. Во-первых, когда писался первоначальный вариант книги, я исходил из того, что языковая ситуация средневековой Руси может быть описана как диглоссия, которую, впрочем, я понимал несколько иным образом, чем это делается в классической работе Чарльза Фергусона. В настоящее время я полагаю, что целесообразнее говорить о регистрах письменного языка русского средневековья, и этот взгляд на предысторию языковых процессов XVIII в., кратко изложенный в Введении, дает возможность по-новому взглянуть на последующее развитие, рассматривая его как переосмысление и перегруппировку материала, восходящего к разным регистрам письменного языка предшествующего периода.

Во-вторых, существенно большее внимание уделено процессу грамматической нормализации, который в настоящее время кажется мне не только исключительно важным в лингвистическом плане, но и крайне показательным в плане культурной истории. Отношение к культурному прошлому, понимание роли учености и социального престижа и в конечном счете воля к власти куда более отчетливо проявляются в спорах о какой-нибудь флексии или даже в употреблении того или иного морфологического варианта. Побудительные причины и диапазон выбора восстанавливаются здесь достаточно четко, тогда как другие аспекты языкового поведения, а тем более прямые разъяснения идеологической позиции такой ясностью не обладают. Прямые разъяснения у авторов XVIII в. появляются не часто и, когда появляются, нередко предназначены не для адекватного означения этой позиции, а для демагогической игры с аудиторией. Такая игра, конечно, свойственна всем временам, а отнюдь не только эпохе Петра и Екатерины, так что всегда лучше иметь дело с менее запутанными манифестациями. Видимо, это не всегда возможно, и в этом отношении русский XVIII век — время особенно удачное для исследователя-филолога.

В-третьих, более подробно и во многом по-новому рассмотрены лингвистические и социокультурные установки А.П.Сумарокова. Сумароков несомненно был одной из ключевых фигур в литературно-языковой истории XVIII столетия. Тем не менее, когда речь идет об истории языка, а не об истории литературы (например, в трудах В.В.Виноградова), его роль оказывается отодвинутой на второй план сравнительно с ролью Ломоносова и Тредиаковского. В новом варианте книги я стремился освободиться от этого утвердившегося

предрассудка. Не берусь судить, насколько все эти изменения улучшили работу, однако в любом случае они сделали ее достаточно несхожей с первоначальным текстом, что для автора и — буду надеяться — для читателя оправдывает ее новое издание.

За прошедшие годы мне посчастливилось обсуждать вышедшую работу, равно как и идеи, возникшие в развитие изложенной в ней концепции, со многими коллегами, что так или иначе отразилось в новом тексте. С особой благодарностью хочу в этой связи упомянуть Р.Вортмана, Дж.Дель'Агату, А.А.Гиппиуса, Г.Кайперта, И.Кляйна, М.Левитта, И.Паперно, А.Тимберлейка, Б.А.Успенского, Г.Хютль-Фольтер. Ошибки, заблуждения и неточности остаются, конечно, на моей совести, и только я несу за них ответственность.

Несколько технических замечаний. Перекрестные ссылки даются в виде § I-1.1, где римская цифра обозначает главу, а помещаемые через дефис арабские — параграф данной главы; § 0- отсылает к Введению. Цитаты, как правило, приводятся в упрощенной орфографии (стандартным образом заменены буквы, отсутствующие в современном алфавите, опущен ъ в конце слов), причем порой упрощение идет дальше, чем мне бы хотелось — имею в виду те случаи, когда источники цитаты полностью игнорируют орфографию оригинала. Исключением являются лингвистические примеры, цитаты из рукописных источников и из средневековых текстов — здесь орфография воспроизводится более тщательно. Я, впрочем, не пытался формально определить, какие тексты нужно отнести к средневековью, а какие — к новому времени, так что педантическая последовательность в этом отношении отсутствует. Вряд ли в ней была необходимость, если учесть, что (по выражению философа) «чулок духа», сотканный в предлагаемой читателю книге, и без того слишком плотно опутывает свободную мысль.

Февраль 1996
Москва

Введение

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЫСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА

1. Литературный язык нового типа как предмет социокультурной истории

Восемнадцатое столетие — эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования. В этот период формируется русский литературный язык нового типа (национальный литературный язык), и данный процесс представляет собой один из важнейших аспектов модернизации и рационализации русского общества и русской культуры. Этот процесс не только воплощает происходящие в данный период социокультурные преобразования, но и создает для них условия, поскольку именно унифицированный литературный язык выступает как формальная основа складывания нового государственного дискурса. Унификация и универсализация литературного языка не только вбирает в себя новые отношения власти, но и навязывает эти отношения обществу, утверждая исключительность господствующей культуры. Именно в силу этого частные изменения, происходящие в литературном языке, могут быть непосредственно или опосредствованно связаны с социокультурной динамикой русского общественного самосознания.

Вплоть до середины XVII в. русское общество было относительно слабо стратифицировано и в социальном отношении относительно мобильно. С середины этого столетия стратификация стремительно нарастает, достигая своего апогея в Петровскую эпоху, когда на руинах средневековья выстраивается сословно-кастовая социальная структура, закрепляющая за каждым индивидом его место в новом государственном механизме (ср.: Хелли 1978; Хелли 1982). К концу пет-

ровских преобразований податная реформа окончательно разделяет население империи на нужные государству классы и вводит систему контроля над численностью и составом каждого из них (ср.: Анисимов 1982). Этот псевдогоббсовский механизм заводится и поддерживается в действии господствующей элитой, которая полагает себя его центром, обеспечивающим единство всех составных частей. Единство культуры и единство языка оказываются необходимыми атрибутами этого российского левиафана, что и определяет культурную и языковую политику правящей элиты. В эпоху расцвета французского абсолютизма Ш.Перро писал: «Il n'y a en France, que le pur François, ou pour mieux dire, que le language de la Cour, qui puisse estre employé dans un ouvrage serieux; parce qu'il en est dans un Royaume, du language, comme de la monnoye; il faut que tous les deux pour estre de mise soient marquez au coin du Prince» (Перро 1964, 312). Таким образом, Перро приравнивал единство литературного языка в правильно устроенной монархии к монополии на эмиссию денежных знаков. Сколь бы утопическим ни было это государственное единство — в России еще в большей степени, чем во Франции, — именно оно преобразовало языковую ситуацию и обуславливало развитие литературного языка нового типа.

Признаки литературных языков нового типа хорошо известны. Становясь, согласно определению Пражских тезисов, «le monopole et la marque caractéristique de la classe dominante» (Вахек 1964, 45), литературные языки характеризуются полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств. Именно эти черты и приобретает русский литературный язык нового типа в продолжении XVIII — начала XIX века. Ни одна из разновидностей письменного языка допетровской Руси совокупностью всех этих свойств не обладает, так что сам вопрос о том, был ли литературный язык в древней Руси, остается дискуссионным. А.В.Исаченко, можно вспомнить, полагал даже, что «русский литературный язык в современном понимании этого... термина возникает лишь в течение XVIII в.» (Исаченко 1976, 297), тогда как В.В.Виноградов, напротив, считал, что «русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский» (Виноградов 1938, 5), и именно последняя точка зрения лежит в основе концепции церковнославянско-русской диглоссии, развиваемой Б.А.Успенским (Успенский 1987; Успенский 1994).

Был или не был церковнославянский русским литературным языком, остается в большой степени вопросом терминологическим, и поэтому может нас здесь не занимать. Существенно, что церковнославянский — как бы мы его ни определяли и какие бы памятники ни

связывали со сферой его функционирования — не был языком ни полифункциональным, ни кодифицированным. Письменный язык в древней Руси не был единым; наряду со стандартным церковнославянским, представленным прежде всего в текстах Св. Писания и богослужения, употреблялся иной вариант книжного (церковнославянского) языка, который можно было бы назвать гибридным (см. о нем ниже), равно как и язык некнижный, также не лишенный разновидностей. Вне зависимости от того, будем ли мы называть эти идиомы «языками» или (что предпочтительнее) «регистрами», они не образуют той унитарной системы, которую представляет собой современный литературный язык. Можно сказать, что письменный язык древней Руси фрагментирован, причем его отдельные фрагменты (регистры) имеют разные функции (т.е. ни один из них не является полифункциональным) и в разной степени нормированы (т.е. при самом широком понимании кодификации нет возможности говорить о кодифицированности письменного языка в целом).

Предыстория русского литературного языка нового типа (или — в иных терминах — история русского литературного языка эпохи средневековья) должна включать изучение того, как развивались в письменном языке те характеристики полифункциональности, общезначимости, кодифицированности и стилистической дифференциации, которые определяют современные литературные языки (см.: Кайперт 1988б, 315—316). Очевидно, все эти качества появились не мгновенно, и по крайней мере для некоторых из них можно говорить о постепенном нарастании. Что касается полифункциональности, здесь можно было бы упомянуть расширение жанрового репертуара книжных по языку текстов в XVI—XVII вв., возникновение ряда сфер (например, действующего законодательства), в которых книжный язык употреблялся параллельно с некнижным (ср.: Живов 1988б, 74), появление текстов, написанных на некнижном деловом (приказном) языке, но не относящихся к делопроизводству как таковому (перевод «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» 1647 г. или сочинение Котошихина — см.: Станг 1952; Пеннингтон 1980) и т.д. Для развития кодификации существенное значение имело возникновение грамматического подхода к книжному языку в XVI в. (ср.: Живов 1993а) и появление грамматик книжного языка, во многом повлиявших на кодификацию русского литературного языка нового типа.

Тем не менее радикальные изменения совершаются именно в Петровскую эпоху. Именно в это время в разных сферах письменности благодаря сознательной языковой политике утверждается новый литературный язык, а старые регистры письменного языка вытесняются